

О. Ю. Панова (Москва)

**КЛАССИКА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ:
ДВА ЮБИЛЕЯ ПУШКИНА 1937 ГОДА В США***

В отечественной пушкинистике тема празднования пушкинского юбилея 1937 года за границей стала активно исследоваться начиная с рубежа 1990-х гг. В работах, посвященных организации и проведению пушкинских торжеств за пределами СССР, в центре внимания оказывалась в основном деятельность русских эмигрантов и, естественно, проведение юбилея в странах с наиболее многочисленной и сплоченной диаспорой – в первую очередь, это Франция, где под председательством С. Лифаря был создан Международный Пушкинский комитет, Чехословакия, Китай и др. Гораздо меньше внимания уделяется пушкинским торжествам в Англии, а празднования в США, в особенности, инспирированных советскими структурами, остаются практически вне поля зрения исследователей¹, хотя этот материал, несомненно, заслуживает рассмотрения.

Как и в большинстве других стран, в США в 1937 г. конкурировали два Пушкинских юбилея: организованный эмиграцией и направляемый из СССР. История эмигрантского Пушкинского комитета в США и его деятельность с самых первых шагов по его организации в конце 1934 г. и до его преобразования после юбилейных мероприятий в Общество имени А. С. Пушкина была описана В. В. Курченко, президентом Пушкинского общества Америки². Созданный в конце января 1935 года на базе ОРНО (Объединения русских национальных организаций в США), Всеамериканский Пушкинский комитет под председательством Б. Л. Бразоля появился даже раньше Всемирного Парижского Пушкинского комитета С. Ф. Лифаря (который был создан в феврале 1935 г.). Смысл празднования пушкинского юбилея в США был обозначен с первых шагов: чествовать, читать и изучать Пушкина нужно для того, чтобы «Американская Русь сумела послужить Возрождению Великой Руси путями, завещанными Пушкиным»³. Этим мессианским устремлениям было подчинено празднование юбилея русскими эмигрантами в Америке.

Активность «белоэмигрантов» не могла не встревожить тех, кто занимался в СССР культурной дипломатией. Налицо прямая связь

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ «Иностранные писатели и СССР: неизданные материалы 1920-х–1960-х годов. Культура и идеология» № 14-04-00557.

между инициативой председателя ВОКС А. Я. Аросева⁴ по проведению «советского зарубежного» пушкинского юбилея с организацией Всемирного Пушкинского комитета в Париже и его активной работой среди русской эмиграции в разных странах Европы, Азии и Америки⁵. В конце 1935 – первой половине 1936 года А. Я. Аросев и зам. председателя ВОКС Л. Я. Чернявский разрабатывают планы по проведению Пушкинского юбилея, несмотря на отсутствие существенной правительственной поддержки и финансирования. Летом 1936 года советский дипломат и уполномоченный ВОКС в Америке К. А. Уманский получает из Москвы письмо-рассылку Общества по культурным связям с заграницей в связи с приближающимся Пушкинским юбилеем:

Секретно

Уполномоченному ВОКС в Америке тов. Уманскому.

7/VI-36.

Уважаемый товарищ,

10 февраля 1937 г. будет праздноваться Пушкинский юбилей. В Вашей стране белоэмиграция уже ведет подготовку к юбилею. Необходимо противопоставить этому – празднование юбилея общественностью Вашей страны через Общество Культсближения.

Для этого мы рекомендовали бы уже сейчас создать при Обществе Комиссию по организации юбилея. На обязанности этой Комиссии должна лежать не только подготовка к самому юбилейному празднованию, но и систематическое освещение в прессе того, что делается в этом направлении в СССР (по материалам, которые ВОКС будет посылать), далее – проведение еще до юбилея вечеров, бесед, концертов музыки на пушкинские тексты и т. п.

Для ориентировки посылаем Вам копию наших предложений Пушкинскому Юбилейному Комитету, сделанных еще в декабре. К сожалению, Комитет до сих пор еще нам не дал ни ответа, ни указаний по существу и лишь несколько дней тому назад заявил, – «делайте, что можете».

По получении этого письма сообщите нам Ваши пожелания и соображения.

С товарищеским приветом

Врио председателя Всесоюзного Общества культурной связи с заграницей:

Л. Чернявский⁶

Этой рассылке предшествовала уже проведенная в США предварительная работа по организации пушкинских торжеств, которая проходила именно под лозунгом «делаем, что можем». К осени 1936 г. был создан Всеамериканский Пушкинский комитет под председательством В. А. Яхонтова⁷.

К декабрю 1936 г. в целом определился состав Американского пушкинского комитета, созданного Яхонтовым на базе Единого фрон-

та русских рабочих организаций в Нью-Йорке и Русской секции Интернационального Рабочего Ордена – РС ИРО⁸. С Пушкинским комитетом дали согласие сотрудничать Американско-Русский Институт⁹ в Нью-Йорке и его отделения в ряде других городов (Сан-Франциско, Чикаго, Филадельфия), а также американское Общество друзей Советского Союза¹⁰, где одной из ключевых фигур был просталински настроенный Корлисс Ламонт. Яхонтову удалось добиться от многих американских знаменитостей согласия предоставить свои имена для включения в состав Пушкинского комитета. В «Консультативный совет» Комитета вошли влиятельный критик Эдмунд Уилсон, лауреаты Пулицеровской премии литературовед Карл Ван Дорен и драматург Элмер Райс, художник Луис Лозовик, заведующий Славянским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки, славист и пушкинист Аврам Ярмолинский и его жена, переводчик Пушкина Бабетта Дойч, выпустившие к юбилею том сочинений Пушкина в новых переводах¹¹; представители левой прессы – главный редактор журнала «New Masses» Джозеф Фримен, публицист Грэнвил Хикс, литераторы, журналисты, переводчики Айседор Шнейдер и Джошуа Кьюниц, профессор-славист Синдей Росс, театральный деятель, режиссер и поклонник советского театра Норрис Хаутон, художник и друг СССР Рокуэлл Кент, скульптор и художник Уильям Цорах, Давид Бурлюк, видные деятели Гарлемского ренессанса Лэнгстон Хьюз, писатель Джеймс Уэлдон Джонсон, Артур Шомбург – создатель коллекции материалов по истории негритянской литературы и искусства, основатель Центра исследований черной культуры при Нью-Йоркской публичной библиотеке. Эти знаменитости в большинстве своем не просто числились в комитете «для солидности», но в той или иной форме внесли вклад в празднование Пушкинского юбилея. В Попечительский совет (группу «меценатов») удалось собрать поистине «звездный состав» -- среди громких имен были Драйзер, Шервуд Андерсон, Джон Дьюи, Альберт Эйнштейн, Уолдо Фрэнк, известные слависты Эрнест Дж. Симмонс, Сэмюэл Кросс (Гарвард), Александр Каун (Университет Беркли), знаменитый издатель Альфред А. Нопф, Корлисс Ламонт, поэт Арчибальд Маклиш, поэтесса, критик и левый общественный деятель Женестьева Таггард, известный литератор Роберт Морс Ловетт, журналист Уолтер Дюранти, автор эксклюзивного интервью со Сталиным (1929 г.), работавший в 1922-1936 гг. в московском представительстве «New York Times», знаменитый негритянский певец Пол Робсон. Во главе Попечительского совета был поставлен Роберт Фрост (которого советская пресса, как правило, и указывала в качестве «председателя американского Пушкинского комитета»). Всего в составе комитета числилось около ста человек¹².

Основные направления, по которым велась работа в США, – публикации в прессе, подключение видных американских ученых-славистов, мероприятия в библиотеках, колледжах и университетах, особенно в тех, где есть кафедры славистики, проведение лекций, тематических вечеров, любительских спектаклей, концертов, радиотрансляций, выставок и т. п.

Деятельность американского Пушкинского комитета была разносторонней и масштабной. В. А. Яхонтов высоко оценивал проделанную работу: еще 17 февраля, когда юбилейные мероприятия были далеки от завершения, он радостно констатирует успех в письме к А. Я. Аросеву: «Из посланного мной Вам “календаря” торжеств, связанных с Пушкинским юбилеем, Вы уже знаете насколько широко удалось провести их здесь, в Америке¹³. <...> Пресса здешняя отзывалась на Пушкинские чествования в такой мере, что Пушкин стал одно время злобой дня, и высказывались всякие предположения по поводу такого необычного внимания к писателю иностранцу, которого мало раньше и знали. В числе объяснений, конечно, фигурировало и постоянно-возобновляемое предположение, что это новый заговор “Красных”¹⁴. В следующем письме Аросеву от 27 февраля 1937 г. Яхонтов заявляет: «...судя по имеющимся у нас данным, у нас эти чествования вылились в гораздо более широкую, разнообразную и импозантную форму, нежели где-либо вне пределов СССР»¹⁵.

Не случайно А. Я. Аросев начинает свои доклады о пушкинских мероприятиях за границей на разных съездах и заседаниях именно с празднований в США¹⁶. Однако ряд его опубликованных в прессе выступлений – это далеко не единственные материалы в советской периодике, где упоминались американские пушкинские торжества. Библиография публикаций в газетах и журналах 1936–1937 гг., посвященных Пушкинскому юбилею в Америке или содержащих упоминания о нем, насчитывает около 30 позиций¹⁷. Среди колоссального массива всей советской прессы тех лет о юбилее это кажется каплей в море, но по сравнению с общим числом советских публикаций о зарубежных празднованиях – вовсе не так уж мало.

Советский читатель мог следить за соперничеством «двух юбилеев» за границей по публикациям в периодике, которые делились на несколько типов.

Заметки новостного характера, обычно располагавшиеся в таких рубриках, как «Пушкинские дни за рубежом», «Заграничные отклики на 100-летие со дня смерти Пушкина» и т. п., представляют собой в основном нейтральные по тону сообщения стандартного характера и воспроизводят базовые сведения с небольшими вариациями и дополнениями. Вот типичный пример такого новостного формата:

Пушкинские комитеты за границей.

<...> В США создан пушкинский комитет, в который вошли представители Американско-Русского института (Общество культурного сближения с СССР), Общества американских друзей Советского Союза и т. д. В помещении Центральной публичной библиотеки Нью-Йорка откроется пушкинская выставка. Предстоит ряд докладов, собраний, митингов.

(Известия. 1937. 8 января. № 6. С. 4)¹⁸.

Такие сообщения претендовали на объективность и должны были создавать впечатление, что юбилейные празднования организованы самими американцами; называется минимальное количество русских участников и организаций, деятельность эмиграции не упоминается или затушевывается. Однако в прессе появлялись и публикации иного типа. Ярким образцом мифологизирующего дискурса может послужить публикация А. Я. Аросева в «Вечерней Москве», которую автор, выступая в амплу «сказителя», украшает историями, стилизованными под фольклорные предания:

Далеко за пределами нашего Союза, на всех материках земного шара, во всех странах, в каждом культурном городе ведется подготовка к пушкинским дням <...> Пушкин писал: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык...» Но слава о нем прошла не только «по всей Руси великой», но и по всей земле, по всему миру.

Года три назад в Праге остановился бродячий цирк. В труппе цирка находилось семейство американских индейцев. Я познакомился со старым индейцем, патриархом семейства, огромного роста, разукрашенным перьями. Он говорил на плохом английском; первое, что сказал мне, было: «Русский... Москва... Пушкин». <...>¹⁹. Не так давно ко мне явился один литературовед-англичанин, важный, надутый профессор. Он был в цилиндре. На все советское смотрел свысока. На прекрасном, изящном английском языке он изложил мне свое желание познакомиться с русскими литераторами и спросил прежде всего, как встретиться с великим русским поэтом... Пушкиным! Это грубая, но знаменательная ошибка! Пушкин становится нашим современником. Его воспринимают как великого поэта, живущего в наши дни. И хотя за рубежом Пушкин не так популярен, как другие великие поэты – Гете, Байрон, но предстоящая пушкинская дата даст возможность зарубежным поклонникам великого русского поэта сделать его образ общеизвестным, показать всему миру чудесную панораму его великих творений²⁰.

В этом фрагменте, нацеленном на создание эпического, почти фольклорного образа «всемирного Пушкина», в то же время имплицитно присутствует классовый подход: хотя «всемирный Пушкин» завоевал признание всего человечества поверх национальных и классовых границ, все же его поклонники из социальных низов, простые

люди -- рыбаки, циркачи, индейцы и т. п., противопоставляются «важному, надутому» профессору в цилиндре, который словно сошел со страниц советских газет как ожившая карикатура на «буржуя».

Всемирность и классовость – «диалектическое противоречивое единство», которое постоянно присутствует в третьем типе публикаций о заграничном юбилее, полемически и идейно нагруженных. В них обозначалась поляризация празднования, присутствовало противостояние «мы» и «враги», отстаивался «наш Пушкин» и изобличались «извращения» и «ошибки» «белоэмигрантов» и западных буржуазных интерпретаторов великого поэта. Доклад А. Я. Аросева на пленуме правления Союза советских писателей и его статьи на основе доклада композиционно и содержательно распадаются на две части – панегирическую (репортаж об успехах «нашего юбилея» в зарубежных странах) и разоблачительную (инвективы против юбилея «вражеского»).

Помещенная в журнале «Интернациональная литература» статья Аросева «Мировая критика о Пушкинском юбилее»²¹ предельно заостряла противостояние «нашего» и «вражеского» лагеря за границей, прибегая к военной терминологии: «Мы видим, таким образом, что отношение к Пушкину в немалой степени определяется политическими взглядами пишущих о нем исследователей. <...> Поэтому празднование пушкинского юбилея явилось, в сущности, боевым актом. Оно сквозь призму пушкинских творений поставило ребром острые вопросы современности»²². Два юбилея за границей описываются как резко контрастирующие. Если «советский зарубежный юбилей» взял на вооружение «нашего Пушкина», «открытого советским пушкиноведением», то юбилей «вражеский» продолжает дореволюционную, «царистскую» традицию с ее «клеветой» и «нападками» на поэта.

Пушкин – это знамя борьбы с темнотой, угнетением и порабощением человека. Советская Страна смогла очистить имя Пушкина от окружавшей его в течение целого века клеветы и лжи. <...> В то же время кое-где этот юбилей, хотя его и отметили в прессе, был использован для нападков на нашу культуру, для извращения фактов жизни и деятельности Пушкина. Я уже не говорю о белоэмигрантах, которые в деле искажения Пушкина являются главными поставщиками джи и клеветы. <...> Пушкинские дни за рубежом СССР прошли под знаком борьбы с той ложью и клеветой, которой враги Пушкина окружали его жизнь и творчество, за показ его всему миру таким, каким он был в действительности, а не таким, каким старалось представить его «пушкиноведение» царской России. Подлинному Пушкину приходится пробивать толстую кору предвзятых и привычных суждений о нем, укоренившихся в капиталистических странах. Борьба за

подлинного Пушкина, за Пушкина, открытого советским литературоведением, приобретает в нынешних условиях огромное значение²³.

Чтобы дать представление о «советском зарубежном юбилее», советская пресса публиковала полученные из-за границы материалы и перепечатывала западные публикации, вышедшие из-под пера коммунистов и «попутчиков». Из американских материалов это статья Эдмунда Уилсона «Евгений Онегин», приведенная в сокращении в «Литературной газете»²⁴, текст Т. Драйзера, вышедший по названию «Лирик величайшего обаяния» и представляющий собой телефонный ответ писателя на вопросы приуроченной к юбилею анкеты²⁵; краткий отчет Л. Хьюза о юбилейных мероприятиях в Кливленде²⁶. Тексты «врагов», разумеется, не переводились и не публиковались, но в прессе помещались полемические статьи и заметки, направленные против «белогвардейско-буржуазных» извращений Пушкина. Они обычно носили воинственный, разгромный характер, как, например, рецензия под названием «Троцкистский мародер»²⁷, посвященная английскому переводу «Гавриилиады» Макса Истмена и предисловию, которое Истмен, социалист, троцкист, леворадикальный журналист и литератор, предпослал своему переводу²⁸. Встречалась и более мягкая критика «недопонимания», «ошибок» и «заблуждений» американских пушкиноведов. Например, А. Я. Аросев, останавливаясь на вышедшем в юбилейный год фундаментальном для Америки биографическом исследовании гарвардского профессора Э. Дж. Симмонса «Пушкин»²⁹, отмечает достоинства книги; но возражает против тезиса Симмонса об «аполитичности» Пушкина и подчеркивает: «Ясно, что наше советское литературоведение не может признать такую точку зрения правильной»³⁰.

Таким образом, первая цель сталинского зарубежного юбилея – представить миру «подлинного», т. е. советского Пушкина, который и должен был стать Пушкиным «всемирным», мировым гением, наряду с Гете, Байроном, Данте Шекспиром; Второй целью была демонстрация солидарности передовых сил за рубежом с СССР: «День столетия со дня гибели поэта за пределами нашей страны был отмечен не в порядке дипломатической вежливости по адресу СССР, но и как акт культурного сотрудничества, литературного взаимопонимания и как свидетельство уважения к первой в мире социалистической стране, где пушкинский юбилей носил характер подлинного народного торжества»³¹.

Два зарубежных юбилея и два образа Пушкина («наш», «подлинный» и «их», «искаженный») – базовая идеологема, лежащая в основе всего советского дискурса о пушкинском юбилее за границей. Однако подобная, зеркально-симметричная модель «работает» и для русской эмиграции, тоже чествовавшей «своего Пушкина». Отставание

«подлинного Пушкина», чей гений – свидетельство неуничтожимости России и стойкости ее детей, унесших «настоящую родину» с собой в рассеяние, сочетались с высмеиванием попыток большевиков «присвоить» себе Пушкина, с сарказмом, обличавшим казенщину сталинского юбилея и коммунистического культа Пушкина, извращения и ошибки советских интерпретаторов, их заидеологизированность, безграмотность и бескультурие.

Вот типичный пример из парижской эмигрантской прессы, отмеченный такой же боевитостью, как и советская пропагандистская газетно-журнальная продукция:

Да простится сравнение, по тону не подходящее к описанию Пушкинских торжеств, но советская власть, устраивая эти торжества, напоминает гоголевскую унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекла: Уже Г. Федотов в статье, напечатанной в «Новой России» и Д. С. Мережковский в речи, произнесенной на Пушкинском вечере в зале д-Иена, указали на несуразность декламирования на советских Пушкинских празднествах стихотворения «Кинжал», которое написано, ведь, о кинжале, поразившем Марата, «исчадь мятежей»!

Пушкин – это дух вольности и мятежа против тирании, это – самый лик дореволюционной России. <...> Опасно показывать его в советской России во всей его красоте и во всю его величину³².

Еще один пример, уже из эмигрантской американской прессы:

В июне 1936 г. в «Известиях» была помещена статья В. Вересаева «За то, что живой». Редакция «Известий» поместила к статье послесловие, в котором пригласила своих читателей ответить на вопрос, чем им дорог Пушкин. Было получено около 500 отзывов. <...> Есть, однако, ответы нарочитые, не без задней мысли. Так, Н. Безруков пишет: «Мне кажется, что столетие со дня смерти Пушкина и двенадцатилетие рождения советов органически связаны между собой. Ту же молодость, свежесть и бодрость, как в нашей стране, мы находим у Пушкина». А красноармеец-артиллерист Н. Дрызлов (г. Калинин, б. Тверь), заявляет: «Он помогает нам строить коммунистическое общество». А. В. Примеров (Макеевка, Донбасс) заявляет: «Книги Пушкина очень скудно рассказывают о классово-вой борьбе. <...> Для меня Пушкин слишком литературен, все холодное и надуманное, красивое, но не живительное». Впрочем, этот Примеров сам о себе пишет: «Учился мало и неудачно». Оно и видно³³.

Американская эмигрантская пресса сочетает панегирики Пушкину как символу России – и обличение «злодейской власти с бессудными казнями», «царствование палачей». Но поскольку испытания, выпавшие на долю России, воспринимаются как явление временное,

празднование юбилея Пушкина в Советском Союзе, при всех негативных сторонах «большевистских торжеств», порой расценивается как «проблеск некоторого просвета в сгустившемся над Россией мраке»³⁴ или даже как первый признак поворота к исконным национальным традициям, к классике, и, следовательно, грядущего национального и духовного возрождения России. Отсюда – немногочисленные позитивные отклики на пушкинские торжества в СССР в эмигрантской прессе. Так, например, чикагская газета «Рассвет» так пишет о собранных В. Вересаевым («Известия», 5 января 1937 г.) высказываниях простых советских людей о Пушкине:

Интересно главное и основное: во всех словах звучит жажда жизни, порыв к свободе, стремление подойти к ее красоте и творчеству. Любовь Вересаева к Пушкину оказалась и любовью массового советского читателя, т. е. современного русского народа. Но <...> потому ли, что уж оправдались пророческие слова поэта, что будет он любим народом за то, что «в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал»? Или догадались – уже эти «массовые читатели». восторгающиеся Пушкиным, что его пророчество относится не только к царскому периоду? «Советский век» век ведь куда более жесток по отношению к народу, чем предшествовавший ему. Было бы хорошо, если бы мы могли ответить на этот вопрос утвердительно. Увы, мы пока на это не решаемся. Но хорошо уже то, что народ читает Пушкина. Не понимает еще сегодня; завтра, быть может, поймет³⁵.

Эмигрантская пресса в США (как и в других странах) тоже противопоставляет два юбилея, которые отражают раскол русской нации на две половины: оставшуюся на родине, но томящуюся под гнетом большевизма – и лишенную родины, но свободную и ставшую хранительницей подлинного духовного наследия России, причем снова и снова подчеркивается мессианское предназначение русского рассеяния:

Этому дню суждено стать за пределами России общерусским национальным праздником совершенно исключительного значения <...> на нас, русских, находящихся вне власти коммунистов, а потому свободных, лежит особый долг с подобающим вниманием отнестись к предстоящему столетнему юбилею со дня смерти Пушкина. В самой России коммунисты не позволяют отдать должную дань имени Пушкина, ибо каждая строка из написанного Пушкиным есть осуждение того, что проделывалось и насаждалось ими в России³⁶.

Два юбилея в честь всемирного гения и русского классика за рубежом стали продолжением гражданской войны в форме войны идеологической и культурной. Обе армии выступали под одним лозун-

гом борьбы за «подлинного Пушкина», и в обоих случаях Пушкин оказывался «идеологическим оружием», средством – или реализации задач советской культурной дипломатии, или выражения мессианских чаяний русской эмиграции.

Примечания

¹ Характерны в этом отношении такие работы, как: Пушкин в эмиграции / Сост., коммент., вступ. ст. В. Перельмутера. М.: Прогресс-Традиция, 1999; «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин. Статьи, очерки, речи / Сост., коммент., вступ. ст. М. Д. Филина. М.: Русский мир, Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998; Пушкин и культура Русского зарубежья. Материалы юбилейной конференции (июнь 1999). Библиотека-фонд «Русское зарубежье». М.: Русский путь, 2000.

² См.: Курченко В. В. Общество им. А. С. Пушкина в Америке (Пушкинский комитет, 1935-1937) // Новый журнал. 2012. № 267. – URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/267/k39.html>.

³ Печковский М. И. Пушкин и Американская Русь // Рассвет. 1937. 11 февраля. С. 5.

⁴ Докладная записка Аросева наркому просвещения РСФСР А. С. Бубнову с предложениями по организации и проведению пушкинского юбилея за рубежом от 8 августа 1935 г. // ГА РФ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3-4.

⁵ См.: Солдатова Л. М. Пушкинский юбилей 1937 года за границей. Литература и политика // Русская литература. 2007. № 3. С. 202.

⁶ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Ед. хр. 296. Л. 5.

⁷ Виктор Александрович Яхонтов (1881–1978), потомственный военный, получивший к 1917 году чин генерал-майора, принял Октябрьскую революцию, однако предпочел оставаться за рубежом – вначале (до 1919 г.) в Японии, где накануне революции был военным атташе, затем – в США, где он стал заметным общественным деятелем: выступал с лекциями о политике и культуре, ратовал за дипломатическое признание советской России, способствовал расширению культурных контактов США и СССР: опубликовал ряд книг о русском офицерстве, организовывал различные издательские проекты, регулярно печатался в левой газете «Русский голос», редактором которой стал в начале 1950-х гг., окончательно сделав ее рупором просоветских настроений. На родине его заслуги неоднократно вознаграждались (он был персональным пенсионером, в 1975 г. получил орден Дружбы народов, входил в правление общества по связям с соотечественниками за рубежом «Родина»). Яхонтов часто бывал в СССР, где и умер в возрасте 97 лет. Похоронен в Ленинграде на кладбище Александрово-Невской лавры. Подробнее о В. А. Яхонтове см.: Афанасьев А. Л., Баранов Ю. К. Одиссея генерала Яхонтова. М.: Советская Россия, 1988.

⁸ ГА РФ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 35.; см. об этом: Солдатова Л. М. Пушкинский юбилей 1937 года за границей. С. 202–203.

⁹ Американско-Русский институт культурных связей с СССР (АРИ) был основан в 1926 г. по инициативе ВОКС и ряда американских деятелей науки, культу-

ры, образования, посещавших СССР. Подробнее об АРИ см.: *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 156–162.

¹⁰ Эта организация была создана в 1921 г. под названием «Друзья Советской России» (Friends of Soviet Russia) по эгидой Американского Союза труда (American Labour Association – ALA), оказывавшего помощь России во время голода 1921 г., а затем вошла в созданную Коминтерном в 1927 г. Международную ассоциацию друзей Советского Союза (International Association of Friends of the Soviet Union) и была переименована в «Общество друзей Советского Союза» (Friends of the Soviet Union -- FSU).

¹¹ The Works of Alexander Pushkin: Lyrics, Narrative Poems, Folk Tales, Plays, Prose / Sel. and ed. by A. Yarmolinsky. New York: Random House, 1936.

¹² Полный список лиц, вошедших в «яхонтовский» Всеамериканской пушкинский комитет см.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Ед. хр. 801. Состав участников печатался на бланках Пушкинского комитета.

¹³ Полный список юбилейных мероприятий, см. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Ед. хр. 890. С. 193–191.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Ед. хр. 890. Л. 48.

¹⁵ Там же. Л. 164.

¹⁶ Пушкинский пленум правления Союза советских писателей. Сообщение А. Я. Аросева о пушкинских днях за границей // Правда. 1937. 24 февраля. № 54. С. 3; Пушкинские дни за границей. Из доклада председателя ВОКС'а тов. А. Я. Аросева на заседании Всесоюзного Пушкинского комитета // Вечерняя Москва. 1937. 2 февраля. № 26. С. 3; *Аросев Ал.* Мировая критика о пушкинском юбилее // Интернациональная литература. 1937. № 4. С. 226–230; *Аросев А.* Пушкинские дни за рубежом // Ленинградская правда. 1937. 4 февраля. № 28. С. 2; *Аросев А.* Пушкинские дни за пределами СССР // За коммунистическое просвещение. 1937. 8 февраля. № 19. С. 4.

¹⁷ См.: Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1937–1948. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 570–579. 589–590; Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1918–1936. Ч. II. Л.: «Наука», 1973.

¹⁸ См.: За рубежом. 1937. 5 февраля. № 4 (144) С. 1; Пушкинские дни в Америке // Театр. 1937. Май. № 2. С. 76.

¹⁹ Далее следует аналогичная история о простом итальянском рыбаке.

²⁰ *Аросев А.* Пушкинские дни за рубежом. С. 2.

²¹ *Аросев Ал.* Мировая критика о пушкинском юбилее. С. 226–230.

²² Там же. С. 230.

²³ Там же.

²⁴ *Вильсон Э.* Евгений Онегин // Литературная газета. 1937. 15 февраля. № 9. С. 5. Перепеч. в сокр. по: *Wilson E.* “Evgeni Onegin”. In Honor of Pushkin, 1799–1837 // The New Republic. 1937. December 9. P. 165–171.

²⁵ *Драйзер Т.* Лирик величайшего обаяния // Известия. 1937. 1 февраля. № 28. С. 3; Пушкин – мировой гений // За коммунистическое просвещение. 1937. 10 февраля. № 20. С. 4 – публикация ответов на пушкинскую анкету Б. Шоу

и Т. Драйзера (текст Драйзера представляет собой сокращенный вариант публикации в «Известиях»).

²⁶ Хьюз Л. Здесь, в Кливленде // Интернациональная литература. 1937. № 1. С. 238–239.

²⁷ Троцкистский мародер // Литературная газета. 1937. № 7. С. 4

²⁸ *Pushkin A. Gabrieliad* / Transl. by Max Eastman // *Transition. Paris, 1927*. Vol. 12. № 4. P. 116–131. Отд. изд.: *Pushkin A. Gabriel, a Poem in One Song* / Transl. by Max Eastman. Ill. by Rockwell Kent. New York: Covici, Friede, 1929.

²⁹ *Simmons E. J. Pushkin*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1937.

³⁰ Аросев Ал. Мировая критика о пушкинском юбилее. С. 227.

³¹ Там же.

³² П. А. Пушкинские торжества в советской России (По данным советской печати) // Иллюстрированная Россия. 1937. № 12. С. 11.

³³ Чем дорог Пушкин. Советские читатели о великом русском поэте // Новое русское слово. 1937. 7 февраля. С. 2.

³⁴ Проф. М. Карпович. Первая любовь России // Новое русское слово. 1937. 7 февраля. С. 1.

³⁵ П. Н. Пушкин и русский народ // Рассвет. 1937 г. 11 февраля. С. 2.

³⁶ Печковский М. И. Пушкин и Американская Русь // Рассвет. 1937. 11 февраля. С. 5.